

ЛЕГЕНДЫ

ДЕВЯТЬ ИСТОРИЙ НА ГРАНИ ПРАВДЫ



Михаил Бурляш



Михаил Бурляш

Легенды

«Автор»

2026

Бурляш М.

Легенды / М. Бурляш — «Автор», 2026

Историки сюда обычно не заходят: в частную жизнь, в непроверенные слухи, в то, что люди решили помнить (возможно, вместо того, что было на самом деле). Девять рассказов и три рассказчика, встреченных автором в разных концах света: старик на базаре в Ташкенте, незнакомец на набережной Фонтанки и элегантная француженка на аллеях Парижского кладбища. Каждый из них знает о чужих жизнях намного больше, чем принято. Ни один не объясняет — откуда. Среди героев книги: Генсек Брежнев и тюремный костоправ, который поставил его на ноги. Пётр Великий и исчезнувшие сокровища Тамерлана. Знаменитый миллиардер и помолвочный шёлковый платок. Влюбленный Пушкин и фея ночи. Холостяк Гоголь и его незнакомая суженая. Шансонье Аркадий и последний вечер его короткой жизни. Знаменитая актриса и букет цветов, которого она так боялась Джо Дассен и стюардесса с тайным знаком на руке. Насколько правдивы эти легенды, рассказанные на грани правды - решайте сами.

© Бурляш М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Часть первая. Ташкент, базар	6
Ташкентская история	7
Лавра	10
Алишер	13
Часть вторая. Санкт-Петербург, набережная	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Легенды

От автора

Всё, что вы читаете в этой книге, — правда. Или почти правда. Или то, что могло бы быть правдой, если бы история была чуть щедрее к своим героям и чуть честнее с нами.

Я не историк и не журналист. Я просто человек, которому однажды рассказали историю — и она не отпустила. Потом другую. Потом ещё одну. Так набралось девять.

Перед каждым рассказом я напоминаю дорогому читателю то, что достоверно известно о герое и ситуации, в которой он оказался. Дальше начинается то, что принято называть легендой.

Граница между ними тоньше, чем кажется. Иногда легенда передаёт правду точнее, чем самый достоверный исторический документ. А иногда документ оказывается красивее любого вымысла.

Все три человека, от которых я услышал эти истории, существовали на самом деле. По крайней мере, я в это верю.

Часть первая. Ташкент, базар

Я встретил его в Ташкенте, на Chorsu — старом базаре, где пахнет кориандром и раскалённым камнем. Он сидел за деревянным прилавком, заваленным грушами сорта «дюшес» — длинными, золотистыми, с тонкой кожей. Возраст его не поддавался определению: может, семьдесят, может, девяносто. Лицо — словно карта прожитого, морщинистое, сложное, неуловимое.

Я купил три груши. Он завернул их в газету, взял деньги и вдруг сказал, не поднимая глаз:

— Вы не местный.

— Нет.

— Значит, не знаете, что здесь происходило. А я знаю. Я многое знаю.

Он замолчал. Я не ответил. Но и не ушёл. Мы оба понимали, что разговор только начинается.

Он говорил медленно, с паузами — так рассказывают о том, что видели сами, а не о том, что слышали. Иногда называл имена. Иногда останавливался на полуслове и смотрел куда-то сквозь меня — туда, где, видимо, всё ещё разворачивалось то, о чём он говорил. Я не перебивал.

В тот день он рассказал мне три истории об известных людях. И все три были невероятными, каждая по-своему.

Ташкентская история

Исторический факт

23 марта 1982 года семидесятипятiletний генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев прибыл в Ташкент. В программу визита входило посещение авиационного завода имени Чкалова, где собирали военно-транспортные самолёты Ил-76. Охрана пыталась вычеркнуть завод из маршрута, однако Брежнев настоял.

Когда он проходил под строительными лесами цеха, переполненный людьми помост обрушился прямо на него и охрану. Брежнев получил серьёзные травмы: была сломана ключица, повреждены рёбра. Врачи настаивали на немедленном возвращении в Москву — Брежнев отказался и провёл все запланированные в Ташкенте церемонии.

Однако, ташкентская травма сильно пошатнула его здоровье. Через восемь месяцев, в ноябре 1982 года, Брежнев скончался.

Дальше — легенда.

– Санёк, иди выпей с нами, – позвали мужики Саню к нехитрому столу. Пузырёк самопального самогона, банка с кильками, хлеб и несколько варёных яиц – это было настоящее пиршество.

– Мужики, вы ж знаете, я не пью, – отнекался Саня, – а вот сигарку с вами посмолю за компанию, так и быть.

– Да уж, знахарь, все привычки ты пагубные изжил, а против табачка слабоват оказался, – начал было подначивать Саню заводила «вечеринки», тощий носатый зэк по прозвищу Лопата.

Но Саня не повёлся, а только глубоко затянулся самокруткой, усмехнувшись краешком рта. Вся зона называла его не иначе как «знахарь», потому что руки у него были просто золотые, и с захандрившими человеческими организмами он управлялся не хуже ювелира, налаживающего сбившийся ход сложного часового механизма.

Он был костоправ от Бога; кроме того, он много лет изучал китайскую медицину и знал такие точки на теле человека, умелое прикосновение к которым могло как обездвижить здорового, так и поднять лежачего. Даже менты не брезговали обращаться к тюремному лекарю, то и дело упрашивая помочь с болячками...

А вот Саня брезговал. Никогда не брался лечить человека «с гнильцой», подлого, пустого или жестокого, всегда находил уважительную причину для отказа...

И хотя таких на зоне было большинство, молва о его способностях каким-то образом просочилась даже за тюремные стены.

...Эта молва и притянула к нему событие, которое иначе как удивительным и назвать-то нельзя. Только мужики опрокинули по первой, только Саня сделал затяжку, как парнишка с атаса закричал условным криком. Не успели зэки на скорую руку припрятать следы «банкета», как в барак вошёл сам хозяин с операми и конвойными. Было это более чем странно, ибо смена у хозяина давно закончилась, и вечер уже клонился к ночи. За долю секунды просканировав лица присутствующих и недовольно поморщив нос от витающего в спёртом воздухе барака сивушного запаха, Хозяин повернулся к Сане и сказал:

– Собирайся.

– Куда? – не сдержав удивления, спросил Саня. Но хозяин не был настроен на разговоры.

– Там узнаешь.

Он подошёл к Лопате, принялся и бросил через плечо операм: «Отшмонать тут всё». Конвойные окружили Саню и повели его на улицу, следом за хозяином. Уже выходя из барака, он услышал хрипловатый фальцет Лопаты, которым тот убеждал оперов в том, что ничего запрещённого в бараке не имеется...

...Удивление и беспокойство Сани росло, потому что его привели в административное здание, обыскали, надели наручники и вывели за территорию лагеря. Происходило что-то невероятное.

Его усадили в автомобиль хозяина и повезли куда-то в сгущавшийся сумрак мартовского вечера. Хозяин, сидевший впереди, не поворачивая головы, поймал его ошарашенный взгляд в зеркале и сказал:

– О том, что тебя сегодня вывозили из зоны, никому ни гугу. Иначе пожалеешь, что у тебя язык есть. Понял?

Саня кивнул, догадываясь, что ему лучше молчать и слушать.

– Сейчас приедем в гостиницу, осмотришь одного человека. Надо сделать всё, чтобы ему помочь. Поможешь – получишь поощрение. А если нет...

Повисшую паузу заполнил гул мотора и хаотичное движение мыслей в Санькиной голове. Кто этот «один человек»? Почему даже сам хозяин нервничает, говоря о нём? Что с ним такое случилось, что из-за него поздно вечером выдернули с зоны безызвестного зэка-врачевателя? Ответов не было, лишь тяжело вздохнул хозяин.

Конечно, было несколько случаев, когда к Саньке «на прием» приезжали местные «шишки» или их родня. Но об этом всегда было известно заранее, и таинство врачевания обычно происходило в одной из комнат свиданий. Такого, чтобы Саньку повезли к кому-то в город, не случалось ни разу.

Через несколько минут машина затормозила у ведомственной гостиницы недалеко от центра города. Саню вывели и, придерживая за руки, повели внутрь. В глаза ударил яркий свет богатых люстр, голова наполнилась звуками человеческих голосов и еле слышной музыки, доносящейся из ресторана, обонятельные рецепторы зафиксировали несколько вкусных запахов – от аромата дорогого парфюма до запахов еды.

Хозяин коротко переговорил с какими-то военными в вестибюле и пошёл по лестнице вверх; конвоиры повели Саню за ним... Остановившись перед дверью шикарного люкса, Хозяин коротко постучал, сделал знак конвоирам остаться в коридоре, а Саню кивком головы позвал за собой.

Дверь им открыл крепыш в военной форме, с лампасами на брюках. В большой шикарно обставленной гостиной помимо него было трое мужчин в белых халатах, ещё один военный, заплаканная молодая женщина и какой-то тип, внешность которого не поддавалась описанию. Санька про себя окрестил его «человеком без лица». Именно этот тип и заговорил с вновь прибывшими короткими отрывистыми фразами, обращаясь главным образом к хозяину.

– Это и есть ваш знахарь-костоправ? Медицинское образование есть? За что сидит? Давно? От чего лечит? А это достоверные факты?

Повернувшись к Саньке, человек просверлил его взглядом и сказал:

– Руки покажи.

Санька взглянул на хозяина, тот разомкнул ему наручники. Как следует рассмотрев Санькины ладони, человек с неуловимой внешностью повел его в отдельную комнату. На постели лежал пожилой мужчина и тяжело дышал, рядом с постелью стояла капельница и сидела девушка в белом халате.

– Что с ним? – спросил Санька шёпотом.

– На него сегодня утром обрушились мостки с людьми на заводе, – так же шёпотом ответил человек. – Шок, несколько царапин, ушиб рёбер, сломана ключица.

Он сделал паузу и продолжил.

– Других переломов и явных повреждений нет. Но у него отказали ноги. И врачи не знают, в чём причина. Может, психосоматическое, а может... В общем, если можешь это исправить, давай вперёд. И без глупостей, если что – пристрелю на месте.

Человек без лица не шутил. Он достал пистолет и выразительно помахал им перед Санькиными глазами. «Ну и задачка», – подумал Санька и попытался сконцентрироваться на больном. Его лицо, желтевшее в полумраке комнаты, показалось смутно знакомым.

Ощупав суставы ног, Санька призадумался. Причина внезапной немощи старика определилась почти сразу, каким-то внутренним чутьём, наработанным за годы «знахарской» практики. «Я могу поставить его на ноги за пару часов, – подумал он. – Причина не в суставах и не в позвоночнике».

Он осмотрел шикарную обстановку, симпатичную сестричку, богато сервированный стол, заставленный бутылками с «Ессентуками», коньяком и вкусно пахнущими вазочками. Перед глазами возник недавний убогий «банкет» с килькой и варёными яйцами.

Санька незаметно сглотнул и сказал вслух:

– К завтрашнему вечеру поставлю его на ноги, гарантирую...

Эту ночь и весь следующий день он провёл как на курорте, вкушая деликатесы. Пациент пришел в себя и с радостью отдался общению с новым человеком, рассказывая ему анекдоты о самом себе, играя с ним в домино и хвастаясь своими охотничьими достижениями. Время от времени Санька делал старику массаж стоп, показывая хорошенькой медсестре, каким точкам следует уделять особое внимание. К обеду пострадавший уже шевелил пальцами ног, медленно сгибал и разгибал колени.

Саньку продержали в гостинице до конца следующего дня, когда его пациент наконец-то смог подняться. После этого они расстались навсегда. Саньку вернули в зону отсидживать срок, а его пациент улетел в Москву.

Прощаясь, он крепко пожал Саньке руку и сказал: «Спасибо, сынок, золотые руки у тебя!» Он обнял Саньку, растрогавшись, подошёл к шифоньеру, отцепил от висящего там парадного пиджака что-то блестящее и сунул Саньке в руку. Разжав ладонь, Санька не поверил своим глазам: это была звезда Героя Советского Союза.

Звезду, конечно, у Саньки, отобрали. Но в оставшиеся до освобождения месяцы он часто вспоминал о полутора сутках, проведенных рядом с человеком, о котором нельзя было рассказывать.

Да и кто бы поверил, что простой зэк Санька, тюремный лекарь в ташкентской тюрьме, поднял на ноги самого Брежнева.

Старик вздохнул, потер левое плечо и добавил:

- Мне тогда тоже досталось, повалялся по больницам. Только молодость лучшее лекарство – оклемался, продолжил службу на благо Родины. Но вот с возрастом опять стало плечо беспокоить... Каждый раз как болит – так и вспоминаю эту историю. Хотя, она, конечно, не самая странная из того, чему приходилось быть свидетелем.

Старик спрятал груши в прилавок и сказал, кивнув в сторону:

- Пойдем-ка в Чайхану. Угостишь меня хорошим чаем, посидим в теньке, отдохнём, а я тебе ещё кое-что расскажу. Ты этого уж точно ни от кого не услышишь, слишком давно это было.

Лавра

Исторический факт

Пётр Великий умер в январе 1725 года. По свидетельствам очевидцев, незадолго до смерти он потребовал бумагу и перо и начал писать, однако успел вывести лишь: «Отдайте всё...» — и потерял сознание. Кому и что именно он хотел отдать, осталось неизвестным. Часть сокровищ, собранных им за годы правления, так и не была включена ни в одну дворцовую опись. Их судьба не установлена.

Дальше — легенда.

Какие бы бури не бушевали вокруг, в Александро-Невской лавре всегда спокойно, как будто время остановилось тут на минутку, чтобы перевести дух, да так и застыло, разомлевшее от благодати и покоя. Даже потоки туристов и паломников, ежедневно приходящих поклониться «Невской скоропослушнице» или мощам Александра Невского, не нарушают этот покой.

Но самое тихое и умиротворяющее место здесь — это два старинных кладбища перед входом в лавру, Лазаревское и Тихвинское. На первом спит вечным сном любимая сестра царя Петра, на втором покоятся останки величайших умов своего времени. Именно здесь нашли последнее пристанище Карамзин, Гнедич, Крылов, Баратынский, Жуковский, Глинка, Достоевский, Чайковский...

Впрочем, речь не о тех, о ком и сегодня спорят потомки. Их мысли, мечты и чувства навеки погребены под могильными плитами и изысканными памятниками, а кладбище давно превратилось в филиал музея искусств под открытым небом. Истоптанное миллионом праздных ног, оно напоминает досконально изученные биографии усопших, в которых почти не осталось загадок и тайн...

И всё же, прошлое не было бы прошлым, если бы открыло свои закрома грядущим поколениям, не оставив себе за толщей минувшего времени никаких сокровищ. Одно из них таится как раз перед входом в Лавру, на одном из старинных кладбищ; никому не ведомое и забытое даже теми, кто его искусно и тщательно укрыл от людского взора. Но расскажем всё по порядку.

Александро-Невский монастырь был построен по указу Петра Великого и, по удивительному стечению обстоятельств, хранит одну из его тайн, которая, судя по всему, останется неразгаданной до скончания веков.

Это случилось в мае 1723 года, когда Пётр заехал с визитом в монастырь, где, проведя пару часов в беседе с настоятелем Феодосием, зашёл проведать могилу сестры. День выдался тёплый, ласковый, солнце пригревало, в монастыре было зелено и душисто. Всё цвело и благоухало, однако уставший государь не замечал ни цветения, ни ароматов весны. Погруженный в свои думы, он задержался у могилы чуть дольше, чем рассчитывала его свита, терпеливо ожидавшая кто у церкви, кто у экипажей.

Мысли были нерадостные, что, впрочем, соответствовало месту. Здоровье, о котором он вообще никогда раньше не думал, всё сильнее давало о себе знать. Пришла пора подумать о том, кому поручить государство после себя. Однако и сама эта мысль была невыносима, и наследником оставить было некого. Кроме жены он по-настоящему никому не доверял...

Пётр вышел к свите с выражением мрачной решимости на лице. Несколько дней спустя его волей на свет появился вымышленный персонаж. Точнее — умер, не родившись. Ранним июньским утром к монастырю подъехала странная процессия — пустой экипаж с закованной в засовы домовиной и три всадника. Предъявив настоятелю подписанную Петром записку о погребении на монастырском кладбище некого камергера иностранного происхождения, скончавшегося скоропостижно и вдали от родины, один из них что-то шепнул Феодосию на ухо. Не

задавая лишних вопросов, настоятель лично указал место для захоронения и, велел монахам вырыть могилу, удалился.

К концу лета на могилке была установлена скромная памятная плита с указанием имени усопшего и датой его кончины, почему-то совпавшей с датой похорон. Могилку никто никогда не посещал, и она до наших времён осталась непримечательным клочком земли, хранящим безвестные останки.

Великий царь и император закончил свой земной путь через полтора года после этой истории.

За неделю до смерти, когда ему уже было достаточно худо, он позвал к себе старшую дочь Анну и рассказал ей о том, что летом 1722 года он привез из Дербента богатые трофеи. Среди них были и сокровища Тамерлана — его личные шахматы, сделанные из настоящих изумрудов и рубинов, его меч, лук, шлем и многое другое. Часть раритетов, включая *камень с надписью Тимура** (*Карсакпайская надпись Тимура, хранится в Эрмитаже*), Пётр приказал отдать в Кунсткамеру. Часть оставил себе, например, алмаз «око Самарканда», который по легенде мог показывать разные места по желанию владельца и некоторые другие сокровища.

В одну из ночей Петру приснился сам Тамерлан. Он разъярённо рубил мечом воздух и кричал, что, забрав его вещи, Пётр навлек на себя большие неприятности, и жить ему осталось недолго.

И, действительно, возвратившись из Дербента в Астрахань, Пётр почувствовал себя больным — с ним случился жестокий приступ болезни, которая не отпускала его уже до самой смерти...

Не будучи суеверным, Пётр, тем не менее, задумался. Отказываться от добычи ему было не с руки, но и напрасно брать на себя проклятья воинственного Тимура не хотелось. А болезнь всё наступала... Остроумное решение пришло ему в голову на могиле сестры. Запечатав опасную добычу в сундук, он поручил доверенным людям схоронить его на кладбище Александро-Невского монастыря под вымышленным именем. Сокровища, стоившие несметных денег, исчезли с лица земли, дав мыслям Петра и его здоровью некоторое облегчение. Однако болезнь лишь отступила, подтачивая его изнутри. Впереди были предательства друзей, измена жены, новые жестокие приступы. Только любимой дочери он открыл имя, указанное на надгробии, и велел «отрыть сокровища, когда будет в том нужда».

Увы, Анна не смогла исполнить завет отца, поскольку сразу после его смерти вышла замуж, а ещё через три года скоропостижно скончалась от родильной горячки, едва справив своё двадцатилетие.

...Какие бы бури ни бушевали вокруг, в Александро-Невской лавре всегда спокойно, как будто время остановилось тут на минутку, чтобы перевести дух. Много секретов хранят стены здешних храмов и часовен. Но самые молчаливые хранители тайн — это могилы двух старинных кладбищ Лавры. И те, которые стали последним ложем для живых душ, и те, которые лишь охраняют то, что было им доверено на время.

Здесь старик остановился и вдруг посмотрел на меня с той лукавой прямоотой, которая бывает только у очень старых людей.

— Ты, наверное, думаешь, откуда я это знаю, — сказал он. — Я скажу. В пятьдесят восьмом году меня привлекали к одной нестандартной работе. Неофициальной. Искали одно место на кладбище Александро-Невской лавры. Три недели по ночам копали. Нашли или нет — не скажу. Меня попросили не говорить. Но я старый. Скоро меня не будет. А история — останется.

Он махнул рукой, подзывая мальчика-чайханщика.

— Принеси-ка нам ещё чаю, сынок, да покрепче, - сказал он ему почти по-отечески. Потом повернулся ко мне и продолжил.

— Третья история про моего земляка, наманганского. Это уже совсем другое.

Алишер

Факты

Алишер Усманов — российский предприниматель и меценат, в молодости провёл несколько лет в заключении. Ирина Винер — выдающийся тренер по художественной гимнастике, воспитавшая многих олимпийских чемпионки. Они познакомились ещё в юности в Ташкенте и поженились в 1992 году. В 2022 году, после тридцати лет брака, официально развелись.

По семейному преданию, которое оба супруга не опровергали, Усманов сделал предложение, находясь под стражей, — передав Винер сложенный особым образом шёлковый платок.

Дальше — легенда.

– Мама, а ты помнишь, как папа тебе предложение сделал? – задумчиво спросил Алишер.

– Конечно, сынок.

Дильбар сидела прямо перед ним, их разделяло толстое стекло, и говорить они могли только через аппарат. В трубке потрескивало, он не услышал – увидел, как она вздохнула.

– Твой отец прислал мне красивый платок... Ещё до того, как к нам пришли его мать и сестры.

– Мам, а ты можешь купить похожий платок... и привезти мне? – Алишер постарался, чтобы его голос прозвучал как можно равнодушной, но маму было не провести.

– Сынок?! – ахнула она. – Ты решил жениться? Кто эта девушка? Почему ты молчал? И почему сейчас? Она знает, что ты в тюрьме? Отец в курсе? Она из Ташкента?

Дильбар сыпала вопросами, но он молчал. Разве мог он сказать матери, что её первенец, «золотой мальчик» Алишер, давно уже любит женщину старше себя, которая была замужем и у которой есть семилетний сын?

...Это случилось пять лет назад. Он узнал, что она привезет на московские соревнования своих подопечных гимнасток, и решил подойти. Сказал, что помнит её ещё девчонкой с тех пор, как они занимались в одном дворце спорта в Ташкенте. Она сделала вид, что не напоминает, но глаза заблестели.

Вечером они гуляли по Москве, и он показывал ей Тверскую и Елисейский, «Пампуш на Твербуле», театр на Таганке, высотку, где жила Зыкина, и рассказывал, рассказывал, рассказывал... Ирина смеялась, и её смех звучал для него, как перезвон звёзд на небе. Настолько она была желанной и притягательной.

Вернувшись в Ташкент, три года спустя, он перевёз её с сыном в отдельную квартиру, и это стало их тайной на два последующих года – пока суд не разлучил их. На суде Ирина не плакала, только сказала: «Я верю тебе. Я буду ждать». И ждала. За решеткой Алишер понял, что держать такую женщину в любовницах просто нечестно...

...Мать привезла платок. Дорогой шёлк ручной росписи, лазурь с золотом – всё, как он просил. И с летящей красной вязью. Сочетание этих трех цветов было её любимым, и на удивление шло ей. Стильная, гордая, изящная, как статуэтка, Ирина обладала невероятным чувством стиля и собственного достоинства.

Окрыленный возвращался он в свою камеру, спрятав платок в нагрудный карман фуфайки. И тут его настигла неприятная новость – его переводят в другую часть зоны. Предчувствие резануло по сердцу. В бараках «зоны Б» содержали не только бывших милицейских чинов и партийных сотрудников. Там отбывала мелкая гопота пополам с уголовниками. Кто-то явно решил устроить Алишеру Варфоломеевскую ночь – на зоне все знали, что он сын прокурора.

Была суббота, начальство отсутствовало. Откуда прилетело распоряжение – догадаться было нетрудно. Был у него недоброжелатель в администрации, который, видимо, и придумал злой план. Вот только сделать ничего до понедельника было нельзя...

Алишер скатал в рулон свою постель, шепнул верному человеку, что у него беда, и пошёл за конвойным...

«Зона Б» готовилась к переезду. После того, как было принято решение о переводе лагеря в статут «колонии для бывших сотрудников правоохранительных органов», всех уголовников «нон грата» распределили по другим МЛС. До этапа оставались считанные дни. И надо же было такому случиться, что именно в этот смутный момент кто-то решил устроить осужденному сыну прокурора подлянку...

Чувства Алишера обострились, сердце стучало, как набирающий скорость поезд. Он вошел в барак с уголовниками, не ожидая ничего хорошего.

Предчувствия не обманули. Блатные, которые резались в карты в теплом углу, глянули на него искоса и продолжили игру. Остальные замерли и затихли. Казалось, остановилось даже движение воздуха. Конвойный указал Алишеру на свободную шконку и вышел.

– Что-то прокурорским душком вроде запахло? – как бы нехотя сказал один из воров за игральным столом.

– Показалось, – хмыкнул другой. – Хотя, может, и нет. Сейчас проверим. Эй, Вилка, ну-ка поздоровайся с человеком.

Тут же откуда-то из замершей глубины барака вышел тощий высокий ээк, видимо тот, кого вор назвал Вилкой. Вразвалочку подойдя к Алишеру, тощий улыбнулся и начал представление.

– Ну, здравствуйте вам, пришелец. Давайте брататься.

Он присел, будто в книксене, оттянув в стороны полы ээковской робы, и протянул Алишеру худую руку, но тот даже не шелохнулся, только смотрел молча, ожидая развития событий.

– Ах, не хочешь брататься, вша?! А ну, выворачивай карманы!

Алишер молчал.

– Ну, смотри, сам напросился, – Вилка сделал резкое движение и, не успев Алишер шевельнуться, как тот выдернул у него из-за пазухи шелковый платок.

– Ох ты, какая красота! Зазнобе, небось, приготовил? Вещь! Удачно ты к нам зашел, не пустой, – с этими словами Вилка попытался надеть платок себе на голову, но Алишер быстрым движением руки выдернул у него платок и сжал его в кулаке.

Тусклые лампочки под потолком замигали, как от скачка напряжения. Вилка и ещё несколько человек готовы были броситься на Алишера, но один из блатных остановил их властным жестом руки.

– Гордый, да? – сказал он, обращаясь к Алишеру. – Это хорошо. С гордыми у нас разговор короткий. Покайся в преступлениях своего папаша против общества, и мы тебя амнистируем. Прямо тут, среди своих. И полетишь на все четыре стороны, хоть в небо, хоть в ад.

Алишер понял, что живым ему отсюда не выйти. И это почему-то придало ему смелости.

– Сын за отца не отвечает. Ко мне лично у тебя какие претензии? – сказал он спокойно, выделив голосом слово «тебя».

Вокруг происходило какое-то движение. Мужчины в спортивных костюмах окружили его плотным кольцом, невидимый градус напряжения подскочил до красной отметки. Алишер сжал губы и намотал платок на ладонь правой руки. Вокруг него нарастал злой гул, в котором он вроде как расслышал: «Поддай нож»...

Ему показалось, еще несколько секунд, и всё оборвется. Непоправимо и навсегда.

И вдруг заговорил третий из сидящих за столом игроков, который до сих пор только молча наблюдал за стихийным судилищем.

– Обождите, – сказал он медленно и поднялся из-за стола.

Подойдя к Алишеру, он встал напротив него. Лицо в лицо. Алишер напряг память и вспомнил – это был вор в законе Вачикос, он же – осужденный Петросов, один из местных авторитетов. Ему было около сорока, на лицо приятен, а глаза колючие, злые. Лично они не были знакомы.

Вачикос несколько секунд смотрел Алишеру прямо в глаза, потом отвернулся к своим:

– Парень дело говорит. Сын за отца не в ответе. Даже вождь народов это признавал в своё время. Убьем его – не отмоемся. Всем срока накинут. Отпустим с миром – будет наш должник. Глядишь, за кого и похлопочет при случае...

Вачикос подошёл к вора и коротко с ними переговорил. Первый, который звал Валета, обратился к Алишеру.

– Ну что, паря, сегодня твой второй день рождения. Иди на своё место и спи спокойно, твоя жизнь ещё не кончена.

Не веря происходящему, Алишер отошел к своим нарам и долго еще не мог унять сердцебиение. Через два часа за ним пришел конвой – новость о его внезапном «переводе» дошла до начальника лагеря и тот, переполошившись, срочно послал за ним дежурных.

Через неделю Алишер увидел Вачикоса в столовой и подошел к нему. Его мучил один вопрос, который не выходил из головы.

– Вачикос, почему ты отпустил меня? – спросил он напрямую, когда они отошли в сторону.

Вачикос взглянул ему прямо в глаза, как тогда, когда они стояли лицом к лицу посреди напряженной толпы головорезов.

– Можешь верить или не верить, дело твоё. У меня нет к тебе личного интереса. Я только знаю, что если спасти невинного, то половина земных грехов спишется. А у меня их слишком много, и сколько ещё будет – только чёрту известно. К земле стали тянуть. А тут ты... Это древнее знание, которое не многим доступно. Слава Богу, я посвящен.

– То есть... ты отпустил меня просто так? – Алишер не мог поверить в услышанное.

– Не просто так. Я увидел, что ты *действительно* невиновен.

– И я тебе ничего не должен? – продолжал расспросы Алишер.

– Мне – нет.

– А кому?

– Себе.

– Себе?..

– Себе должен. Настанет момент, когда ты будешь в большой силе, при власти и деньгах. Вспомни меня тогда. И спаси невинного. Это и будет твоя плата.

Через несколько дней Вачикоса вместе с другими отправили по этапу в другой лагерь. Больше они с Алишером не виделись. Алишер вышел из тюрьмы, женился на любимой, переехал в Москву и стал большим человеком. Он делал много бескорыстного для страны, в которой жил – выкупал и возвращал на родину сокровища культуры, помогал творческим и талантливым людям.

Но однажды... однажды наступил день, когда он понял, что пришло время оплатить свой долг. Это был день, когда в его руках оказалась судьба невинного.

Но это уже совсем другая история...

Когда старик закончил свой рассказ, в воздухе повисла тишина, какая бывает после настоящей истории — не выдуманной.

— Я знал и его отца, и его, с детства, — задумчиво сказал старик. — Мальчик был упрямый. Такие или пропадают, или добиваются всего. Он добился.

— А кто тот невинный, кого он должен был спасти? И спас ли он его? – спросил я, перебивая в голове подходящих кандидатов.

— Этого я не могу тебе сказать, — ответил старик.

Я спросил, не жалеет ли он, что рассказал всё это мне — чужому человеку.

— Нет, — ответил он, не задумавшись. — Истории должны идти дальше. Иначе зачем они?

Часть вторая. Санкт-Петербург, набережная

Дело было в Петербурге, в начале октября. Белые ночи давно прошли, и город стоял в той особой осенней темноте, которая здесь не похожа ни на какую другую: мягкой, почти акварельной, с блёклыми отражениями фонарей в Фонтанке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.